

СИРИЙЦЫ В ТАРОНЕ (ПО ДАННЫМ «ИСТОРИИ ТАРОНА»)

В.А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН
(Ин-т всеобщей истории РАН)

В истории формирования Армянской Церкви видную роль сыграли сирийские книжники и духовные лица. Богословские споры V в. привели к осязаемому ослаблению армяно-сирийских контактов в церковной области, однако память о существовавшей в начальную эпоху армянского христианства близости двух народов и культур сохранилась в позднейшей армянской традиции, представленной, в частности, таким литературным памятником, как «История Тарона». В статье демонстрируются примеры армяно-сирийского сотрудничества в деле просвещения Армении и рассматривается фактическое и концептуальное содержание «Истории Тарона». На основании сопоставления содержания памятника с исторической обстановкой в раннесредневековой Армении автор приходит к выводу о правильности датировки «Истории» X веком.

Армения — одно из самых древних христианских государств и, как всегда и везде, деятельность миссионеров новой религии началась здесь задолго до того, как христианство было признано официальным вероисповеданием. Христианская проповедь проникала в Армению по двум основным направлениям: с сирийского юга (Эдесса) и греческого запада (восточные провинции Римской империи).

При эдесском царе Абгаре VI Ману (71–91) протекала, согласно преданию, деятельность апостолов Фаддея и Варфоломея, с именем первого из них связано сказание о Нерукотворном Спасе. Христианство становится религией правящей династии в Эдессе при Абгаре IX (179–214)¹. Из Эдессы и Адиабены христианские

---

¹ *Gutschmidt A.* Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroene / *Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg*, 1887; *Адоци Н.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С.347; *Segal J.B.* When did Christianity come to Edessa // *Middle East Studies and Libraries* / Ed. B. C. Bloomfield. London, 1980. P. 179–191; *Murray R. S. J.* The Characteristics of the Earliest

проповедники шли в южные области Армении еще при первом аршакидском армянском царе Трдате I (54–88). Христианская проповедь в это время проникала также в пограничный с Адиабеной гавар Великой Армении Манкерт-тун. К более позднему времени относится упоминание армянского епископа Митробузана Меружана, который в сер. III в. находился в переписке с Александрийским епископом Дионисием. Меружан был, очевидно, епископом соседней с Эдессой армянской сатрапии Софены. Отсюда христианское учение распространялось в глубь страны, и, в первую очередь, образовалось епископство в Тароне². Другим центром христианской проповеди, идущей из Эдессы, был гавар Артаз³.

В Армении в качестве миссионера находился известный гностик Бардацан (154–222), принадлежавший к эдесской элите. По словам Мовсеса Хоренаци, Бардацан не смог «найти себе последователей» «среди наших неотесанных язычников», поэтому он оставил миссионерскую деятельность и посвятил себя литературе в Ани на Евфрате (около Камаха). Здесь он ознакомился с «Храмовой историей», «содержавшей также деяния царей, и, добавив то, что он сам знал и что произошло при нем, перевел всю ее на сирийский язык, с которого она впоследствии была переведена на греческий язык»⁴.

Другое течение христианства проникало из соседней Каппадокии и Малой Армении. Первые христианские общины малоазийских миссионеров основываются в соседних с Каппадокией и Малой Арменией гаварах Великой Армении: Даранали, Екелесене, Дерджане.

По логике событий Григорий Просветитель вслед за крещением Армении должен был озаботиться созданием армянской письменности. Проповедники христианства для перевода Библии и письменной пропаганды новой веры становились иногда и создателями алфавита. В Армении, однако, этого не произошло ни при Григории Просветителе, ни при его ближайших преемниках, так

Syriac Christianity // East of Byzantium: Syria and Armenia in the formative Period. Dumbarton Oaks Symposium. Washington, 1982. P. 3–16.

² *Адоиц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. С. 346–347.

³ История армянского народа. Т. 1. Ереван, 1971. С. 766 (на арм. яз.).

⁴ *Хоренаци Мовсес.* История Армении / Перевод с древнеармянского языка, введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990. С. 115. Бардацан и его сын Гармодий известны как основатели школы церковных песнопений. (*Грубер Р.И.* История музыкальной культуры с древнейших времен до конца XVI в. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 342).

как царский двор, знать и духовенство, чиновничество и интеллектуалы по традиции продолжали получать греческое или сирийское образование и читали богослужебные книги на этих языках. Расширение круга неофитов потребовало устного изложения элементарных основ христианского учения на армянском языке. Г.Х. Саркисян выдвинул гипотезу о гетероэпическом чтении или «произнесении» проповеди: аудитории предлагался устный перевод Библии (в особенности Нового Завета), сочинений отцов Церкви и т. п. с оригинала, находящегося под рукой или хранящегося в памяти проповедника.

Гетероэпическое чтение, заменяя, в какой-то мере, письменную грамотность, препятствовало литеризации армянского языка. Но, с другой стороны, длительный и непосредственный контакт ораторов и аудитории способствовал развитию и обогащению лексики вообще и терминологии в частности, что и отразилось в блеске и совершенстве армянского литературного языка «золотого века»⁵.

Изобретатель армянского алфавита и основоположник армянской письменности Месроп Маштоц получил начальное образование в греческой школе, основанной католикосом Нерсесом I (353–372), и продолжил обучение в антиохийской школе известного ритора Либания (314–393), в то же время там учились св. Иоанн Златоуст (347–407) и Феодор Полиистор, будущий епископ Мопсуэстийский (350–428)⁶. В 391 г. Маштоц был рукоположен хорепископом и направлен для проповеди христианства в восточные области Армении. Эта миссия вновь поставила перед Маштоцем вопрос о необходимости введения армянской письменности, впервые возникший перед ним в годы его службы в царской канцелярии (388–391), где дела приходилось вести не на родном и даже не на греческом языке, как это было до раздела Армении, а на сирийском и персидском языках⁷.

В 393 г. Маштоц с группой учеников отправился в Амиду, Эдесу, Антиохию, затем в Мопсуестию и Самосату. Результатом работы

---

⁵ Саркисян Г.Х. К предистории армянской письменности. Ереван, 1978. С. 1–10.

⁶ Адоңц Н. Маштоц и его ученики по иностранным источникам // Месроп Маштоц. Ереван, 1962. С. 229–230 (на арм. яз.); Манандян Я. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность. Ереван, 1941 (на арм. яз.).

⁷ Маркварт И. Происхождение армянского алфавита и биография св. Маштоца (пер. с нем. на арм.) // Месроп Маштоц. С. 125; Адоңц Н. Указ. соч. С. 203.

в центрах науки и просвещения византийской Сирии было изобретение тридцати шести знаков армянского алфавита. Маштоц ввел наименования этих знаков и установил их порядок соответственно греческому алфавиту⁸.

Ученик Феодора Полиистора, епископ Самосаты Руфин, знаток фонетики, помог Маштоцу разбить новоизобретенные армянские буквенные знаки на категории, соответственно их звучанию. В Самосате Маштоц с двумя учениками — Иоанном Екелесенским и Иосифом Палинским — приступил к переводу Библии, начав с Книги притч Соломона. Корюн приводит первые слова, переведенные Маштоцем на армянский язык: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума»⁹.

В 394 г. Маштоц вернулся в Армению и начал работу по открытию школ и распространению письменности. Центром науки и просвещения становится столица страны Валаршапат, армянские школы открываются сначала в Персармении, а после визита Маштоца в Константинополь (421—422) и в Армении Византийской. В 427 г. Маштоц и католикос Саак I послали в Эдессу своих учеников Иосифа Палинского и Езника Колбского, чтобы доставить в Армению «творения сирийских отцов» для перевода на армянский язык. В Эдессе в это время процветала школа, возглавляемая сирийским ученым Мар-Абасом, которая и содействовала переводам¹⁰.

Роль сирийцев в христианизации и в распространении просвещения в Армении, таким образом, бесспорно велика¹¹, однако во второй половине V в. отношения между Сирийской и Армянскими Церквями резко ухудшаются.

В V в. обостряются христологические споры, в 431 г. на III Вселенском Соборе в Эфесе были преданы анафеме все последователи Нестория, а сочинения его учителя, недавно умершего (в 428 г.) Феодора Полиистора, объявлены еретическими. Константинопольский патриарх Прокл (434—447) написал «Послание армянам», предостерегая их от ереси Нестория, Феодора и Диодора¹². В 435 г.

⁸ Н. Адонц считает, что изобретение письменности имело место между 383—392 гг. (Там же. С. 230). Я. Манандян полагает, что армянские буквы были изобретены в 393 г. Крайним сроком создания армянской письменности может считаться начало V в.

⁹ Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962. С. 92 (на др.-арм. яз.).

¹⁰ Murray R. Symbols of Church and Kingdom. Cambridge, 1975.

¹¹ Тер-Минасян Е. Взаимоотношения Армянской Церкви с Сирийскими Церквями. Эчмиадзин, 1908 (на арм. яз.).

¹² Адонц Н. Указ. соч. С. 219—220.

Иосиф прибыл в Армению с посланием Прокла, адресованным Сааку I, и «Посланием к Маштоцу», написанным Езником. А в 436 г. Езник возвратился из Константинополя с новой, «ортодоксальной» редакцией Библии, армянский перевод которой Маштоцу и Сааку пришлось сличать с греческим текстом. Апологеты Маштоца стремились скрыть его связи со школой Феодора Мопсуестийского, т. к. церковные круги Византии обвиняли Маштоца в дружеских и ученых связях с еретиком¹³.

После раздела Армении между Византией и Ираном Сасаниды, отчаявшись ввести зороастризм в Армении, стремились обеспечить сирийцам посты и владения высшего духовенства и даже передать им верховную власть в Армянской Церкви.

Шах Врам V (420–438/9) лишил кафедры католикоса Саака I Партева и назначил католикосом Сурмака (425–426), а через год — сирийца Баркишо (426–429), которого Мовсес Хоренаци обвинил в содержании «дурных товарищей» и «женщин-домоправительниц», в том, что жил он «невоздержанно», «расточал и расхищал имущество». Знаменательно, что армянские историки осуждают сирийских католикосов Баркишо, а затем Шмуэла (429–434) не только за корыстолюбие и дурные нравы, но и за «распущенную религию»¹⁴.

Иными словами, происходит высвобождение от влияния Сирийской Церкви¹⁵, что, в свою очередь, усиливает грекофильское течение в армянской культуре. И грекофилы вспоминают и заново интерпретируют легенду о христианизации Армении.

Езник Колбаци, писатель VII в., упоминает о том, что «чин деяний Григория был возобновлен неким блаженным мужем из Тарона по имени Масроп», т. е., по-видимому, изобретателем армянской письменности Месропом Маштоцем или кем-то из его ближайшего окружения¹⁶.

В процессе миссионерской деятельности Кесарийской Церкви на территории Армении, находившейся в пределах византийского

---

¹³ Адонц Н. Указ. соч. С. 204–247.

¹⁴ Мелик-Оганджян К.А. Корюн и его «История Маштоца» // *Корюн. Житие Маштоца*. С. 7; *Хоренаци Мовсес*. Указ. соч. С. 207, 209–210.

¹⁵ История Армении Лазара Парпеци свидетельствует, что в его время (кон. V — нач. VI в.) сирийское духовенство еще подвизалось в Армении, но утратило прежний авторитет (*Парпеци Лазар*. История Армении. Тифлис, 1904. С. 425 и сл., на др.-арм. яз.).

¹⁶ *Марр Н.* Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Записки восточного отделения Императорского Российского архивного общества. 1905. № 6. С. 156.

влияния (на границах Армении с Византией, ивирами и лазами), подвизался армянский проповедник, а позже мученик – Григорий. В грекофильской редакции «Жития св. Григория», которое вошло в «Историю Армении» Агафангела, воплощена идея объединения восточных христианских народов их общим рождением во Христе трудами одного Просветителя и при покровительстве одной великой христианской державы — Византийской империи. Св. Григорий, согласно его «Житию», получил и воспитание, и образование, и рукоположение от греческой Кесарийской Церкви. «Таким образом, — отмечает Н. Марр, — как изобретение армянского алфавита, собственно усовершенствование древнего армянского письма сирийского происхождения по греческим нормам, как первый перевод Св. Писания, собственно исправление древнего его армянского перевода с сирийского по греческим подлинникам, так и первая расширенная редакция деяний св. Григория Просветителя принадлежит, очевидно, писателям-эллинофилам, именно, по преданию, Месропу и кругу его сотрудников с Сааком во главе. Быть может, тут само имя Месроп и имена некоторых его сотрудников смещены с надлежащего места, но нет основания сомневаться в том, что первая переработка местной легенды о св. Григории, областном проповеднике-мученике, в историю обращения целого народа или, вероятнее, целых народов, именно прежде всего армян и грузин, в христианство принадлежит древним армянским грекофилам, подвизавшимся до халкидонитов»¹⁷.

Халкидонитская редакция Агафангела также утверждает высокий церковный идеал: «веру в братство христианских народов и их духовное процветание вне национальных особенностей», унаследованный от предшествующей грекофильской редакции¹⁸. Сильное греческое влияние не только создало миссионера, связанного с Кесарийской Церковью, но и сумело обеспечить ему общее признание в Армении. Национальные писатели развивали упрочившуюся к их времени славу св. Григория как всеармянского Просветителя.

Култ св. Григория, по Н. Марру, прошел три литературных этапа: 1) Книга о св. Григории, произведение, принадлежащее или приписываемое Месропу, грекофильская редакция VI в.; 2) Халкидонитская редакция VII в., сохранившаяся фрагментарно в арабском переводе с греческого (вероятно, переводилась и на грузин-

¹⁷ *Марр Н.* Указ. соч. С. 157.

¹⁸ Там же. С. 180–181.

ский язык); 3) «История» Агафангела, национальная редакция VIII в. С нее был сделан перевод на греческий язык. Только она и сохранилась на армянском языке с позднейшими поправками и дополнениями¹⁹.

Переработка «Жития св. Григория» в национальную версию произошла не ранее начала раскола между Армянской и Грузинской Церквями²⁰. В любом случае эта переработка могла появиться в период после правления последнего халкидонитского католикоса Саака Дзорапореци (кон. VII в.). В 726 г. на Маназкертском соборе был закреплён разрыв между Армянской и Грузинской Церквями, и идея единой Армяно-грузино-алуанской Церкви была скомпрометирована.

Целью национальной версии было создание впечатляющей величественной истории возникновения Армянской Церкви. В этой редакции нет места идее обращения св. Григорием в христианство соседних народов, он провозглашается Просветителем Армении, который построил храмы во всех городах, селах и гаварах Армении и разослал епископов во все наханги²¹.

Армянская историография (в особенности, раннего периода) так или иначе, касается событий христианизации Армении, но только в двух произведениях подробное изложение истории христианского просвещения является главной задачей, а беспощадное обличение язычества — главным пафосом повествования. Эти два произведения — каноническая «История Армении» Агафангела и первая часть сборника «История Тарона».

Один из самых таинственных и дискуссионных памятников средневековой армянской литературы, сборник «История Тарона», приписывается двум авторам — Зенобу Глаку и Иоанну Мамиконяну. В состав его входят два раздела и памятная запись (ишатакаран) епископа Тарона Иоанна Мамиконяна, который предпринял

---

¹⁹ *Март Н.* Указ. соч. С. 182.

²⁰ *Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 102–103.

²¹ История Армении Агафангела / Под ред. Г. Тер-Мкртчяна и С. Кана-янца. Тифлис, 1903. С. 439 (на арм. яз.). Общий обзор редакций и литературы см.: *Анасян А.* Армянская библиология V–VIII вв. Т. 1. Ереван, 1959. С. 151–213 (на арм. яз.); *Esbroeck M. van.* Agathangelos — Reallexikon für Antike und Christentum. Supplementband 1/2. Stuttgart, 1985. Col. 239–248; *Thomson R. W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995. P. 90–95; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Повествование о делах армянских (VII в.). Источники и время. М., 2004. С. 203–209.

свой труд (согласно этой записи) по просьбе католикоса Нерсеса III Строителя (640–661).

Первый раздел относится к эпохе христианизации Армении в нач. IV в., содержит переписку Григория Просветителя и два рассказа первого игумена монастыря св. Карапета (Иоанна Предтечи) сирийца Зеноба. Второй раздел, помимо списка игуменов-сирийцев, включает в себя изложение событий церковной и общественно-политической жизни в Тароне кон. VI – первой пол. VII в., о войнах с персами и начале арабских завоеваний²².

Автор памятной записи сообщает, что ему удалось разыскать перевезенный из Тарона в Эдессу архив монастыря Глакаванк (св. Карапета) и перевести на армянский язык записи первых сирийских игуменов. Он добавил к этим переводам те материалы, которые собрал сам, и составил сборник «во время царствования Ираклия и смерти Хосрова, по приказу католикоса Армении Нерсеса, в правление Ваана Мамиконяна, которого по материнской линии называли Камсаракан, он был тридцать вторым [правителем Тарона] после Мушега, прозванного доблестным».

Большая часть арменоведов полагает, что «История Тарона» — компиляция, составленная не ранее VIII в., при этом в основу первой части легли поздние церковные предания, а вторая — эпос «Таронская война»²³. Альтернативную точку зрения представляет историко-филологическое исследование К.В. Айвазяна, предпринятое им в кон. 70-х гг. прошлого века. По его мнению, «История Тарона» — произведение ранней историографии, относящееся в первом разделе к нач. IV в., а во втором — к кон. VI – первой

²² Библиографический указатель армянской старопечатной книги 1512–1800. Ереван, 1963 (на арм. яз.); Критическое издание «Истории Тарона» выполнено А. Абраамяном: Иоанн Мамиконян. История Тарона. Ереван, 1941 (на др.-арм. яз.) (далее: История Тарона); *Avdoyan L. Pseudo-Jovhannes Mamikonean. The History of Taron.* Atlanta, 1993. См. указ. там литературу.

²³ *Чамчян М.* История Армении: В 3 т. Т. 1. Венеция, 1784 (на арм. яз.); *Назарянц С.* Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XVII столетия // Ученые записки Казанского университета, 1844; *Эмин Н.О.* Очерк религии и верований языческих армян. М., 1884; *Эмин Н.О.* Исследования и статьи (за 1858–1884 гг.). М., 1896; *Гатрчян А.* История армянской литературы. Устный период. Вена, 1851 (на арм. яз.); *Патканов К.П.* Очерки истории древнеармянской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В.Ф. Корша. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1880; *Зарбаналян Г.* История древнеармянской литературы. Т. 1. Венеция, 1897 (на арм. яз.); *Халатянц Г.* Зеноб Глак. Сравнительное изучение. Вена, 1893 (на арм. яз.); *Gelzer H.* Die Anfänge der armenischen Kirche. Sonderabdruck aus den Berichten d. Königl. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften, 1895; *Лео.* История Армении. Ереван, 1966 (на арм. яз.).

пол. VII в.²⁴. Оппоненты К.В. Айвазяна не смогли справиться с наличием достоверных реалий в канве повествования «Истории Тарона». В то же время он сам не смог удовлетворительно объяснить многочисленные ошибки и анахронизмы источника, а также оспорить «смутное представление автора о пережитом им историческом времени» (формулировка А. Абраамяна) и развеять сомнения относительно даты написания иштатакарана и соответственно принадлежности составителя сборника к VII в.

Установление времени составления сборника, на мой взгляд, является главной опорой исследователя при разрешении вышеупомянутых загадок и противоречий. До сих пор не уделялось должного внимания известному факту, что впервые об «Истории Тарона» упоминает автор X в. На X в. приходится упразднение власти Арабского халифата и возникновение новых средневековых монархий (царств и княжеств) на территории Армении. Правители Васпуракана, Алуанка и других областей поощряли интерес к региональным анналам.

Составитель сборника «История Тарона» избрал два наиболее ярких периода в истории Таронского княжества: утверждение христианства в нач. IV в. и войну с персами в VI–VII в. Он был знаком, очевидно, с ранней армянской историографией, устными преданиями о героической борьбе таронских нахараров с персами и родовыми преданиями князей Мамиконян, а типологическое сходство в композиции нарративного материала с региональными анналами X в. дает возможность предположить, что «История Тарона» была также создана в X в., тем более, что об этом источнике упоминает автор второй пол. X в. епископ Ухтанес²⁵.

Ни в одной из редакций Агафангела нет упоминаний ни о сирийских проповедниках христианства, ни о сирийских духовных лицах в ранней истории армянского церковного строительства (упоминаются только школы, где обучают греческому и сирийскому языкам), в то время как первая часть «Истории Тарона» целиком посвящена сирийцам, деятельно участвовавшим в насаждении

²⁴ Айвазян К.В. «История Тарона» и армянская литература IV–VII веков. Ереван, 1976. См. там же библиографию работ, посвященных «Истории Тарона» (с. 4–6), изложение дискуссии (гл. 1, с. 9–42). К.В. Айвазян в своем труде приводит обширные цитаты в собственном переводе, ссылки на его перевод в тексте — Айвазян, р. п.

²⁵ Арутюнова-Фиданян В.А. Время компилятора // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 2004. С. 6–8; Арутюнова-Фиданян В.А. Загадки «Истории Тарона» (в печати).

христианства в Армении. И это является несомненным аргументом в пользу позднего составления сборника, так как для вардапетов X в. уже не было актуальным резкое неприятие сирийского влияния в Армянской Церкви, характерное для их коллег в IV–V вв. и даже в VII в.

Первая редакция Агафангела появилась в V, а последняя — в VIII в., «История Тарона», возможно, была составлена в X в., и для автора X в. сирийцы в Армянской Церкви — это только история, а потому изложение событий могло и должно было опираться не на поздние национально-церковные предания, как полагает М. Абегиан²⁶, но на традицию и документы, восходящие к IV в. И в этом отношении достаточно убедительно звучит заявление составителя сборника и автора ишатакарана (кем бы он ни был):

«Эта хроника начата во времена св. Григория сирийцем Зенобом о том, что происходило в его местах, и оставлена письменно в той же церкви. Потом другим понравилось соблюдать этот порядок, и каждый св. отец, описывая подвиги наших князей в свое время, оставлял в той же церкви. И эта история, увеличиваясь, назвалась историей Сирийцев, по имени тех отцов, которые были до Тодика. Все они были сирийцами, и служба в этом храме велась по-сирийски, и пользовались сирийским письмом, пока Тодик не изменил весь порядок и не изгнал сирийское племя из монастыря. Но то, что было от Трдата до персидского царя Хосрова в роде Мамиконянов, я не нашел в писаниях, но у некоторых узнал, что в стороне Урха есть некий священник (монах) по имени Мармара, у которого имеются эти патчены. Я пошел и нашел у него патчены, что были написаны в том же монастыре Иннакнеан, [а потом] персидскими или другими войсками, которые осквернили эту страну, унесены и от них попали к нему. И переведя из этого 28 патченов и 10 патченов из той книги, что была у меня, все превратил в 38 патченов и, собрав в одну книгу, оставил детям Церкви»²⁷.

Первый раздел сборника начинается, как и многие другие произведения армянской средневековой историографии, с имени и деяний св. Григория Просветителя, а именно с послания Григория архиепископу Леонтию, рукоположившему его в Кесарии («Патчен первый. Послание св. Григория, которое [было] написано в Кесарии»)²⁸. Патчен — это не только «письмо, послание», но и

²⁶ Абегиан М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 230.

²⁷ История Тарона. С. 287–288; Айвазян, р. п. С. 44.

²⁸ История Тарона. С. 33 и сл.

«список, копия», что, возможно, должно было подчеркнуть подлинность приводимого документа.

В первом патчене затронут один из ключевых для Армянской Церкви вопросов: ее место среди других Церквей. Григорий Просветитель упоминает о том, что Фаддей и Варфоломей «пришли сюда [в Армению] и с помощью Святого Духа взяли эту епархию, и хотя они пали во имя истины, но всепрощающая воля смилостивилась над ничтожностью нашей»²⁹. Армянская Церковь, таким образом, утверждается как Апостольская и независимая от Греческой и Сирийской Церквей³⁰. В то же время Григорий Просветитель рассматривается как продолжатель дела Фаддея и Варфоломея, т. е. восполняется разрыв между Григорием и эпохой апостолов, подчеркивается также генетическое родство вновь образованной Армянской Церкви с первыми христианскими общинами в Армении.

В двух наиболее древних армянских мученичествах («Правдивое слово и сказание о святых священниках Воскянах» и «Мученичество святых Сукиасянцев») утверждается, что Армянская Церковь была основана апостолом Фаддеем. К.С. Тер-Давтян полагает, что записи обоих мученичеств, донесенных устной традицией, произведены в V в.³¹

Письмо св. Григория к Леонтию Кесарийскому заканчивается просьбой, ради которой оно и было, главным образом, написано, — прислать служителей для вновь образованной Армянской Церкви:

«Взывая к доброте и любви, которую ты питаешь к нам, я молю, чтобы ты подарил мне и другие дары. Ибо созрели бесчисленные нивы во Христе, а жнецов не хватает. Но умоляю тебя, вовремя пришли тружеников жатвы Господней. Один из этих тружеников, которого прошу у тебя, — Елиазар, и другой — армянский епископ Сис, брат сирийца Зеноба, которого [Зеноба] [я] рукоположил по прибытии [сюда] епископом дома Мамиконянов; в особенности пришли адденийского епископа Тимофея, которого ты сам много

²⁹ История Тарона. С. 34. О сказаниях о Фаддее и Варфоломее и аналогичных сирийских преданиях об Аддае и его ученике см.: *Murray R. Symbols of Church and Kingdom: A Study in Early Syriac Tradition.* Cambridge, 1975.

³⁰ *Blinert W. Die Apostolicität der Kirche, als Kategorie der Theologie // Theologie und Philosophie.* Т. 52. 1977. S. 161–181.

³¹ Памятники армянской агиографии. Вып. 1 / Пер. с др.-арм., вступ. статьи и примеч. К.С. Тер-Давтян. Ереван, 1978. С. 167–168. Воскяны, греки по происхождению, были, по преданию, учениками Апостола Фаддея и обратили в христианство Сукиасянцев, родственников жены царя Арташеса Сатеник (Там же. С. 167–171).

хвалил за искусность в письме, а это очень нужно нашей стране, поэтому с молитвой обращаюсь к твоей помощи»³².

Второй патчен — это «Условленный ответ на письмо св. Григория, которое послал патриарх Кесарии в час кончины своей». Это послание содержит советы Кесарийского архиепископа главе недавно основанной Церкви:

«На месте Иннакнеан, которое, как говорят некоторые, благодатно, посели [людей] из духовного звания и установи для них порядок по образцу, который ты видел у нас. Также научись порядку отшельничества у святого Антона, который ничем не уступает первому Антонию. [Еще одно], что я также считаю помощью тебе, — я убедил ученика св. Антона, Епифана, прийти в это же место Иннакнеан, взяв с собой 40 мужей-отшельников, одетых в рубища, благонравных и отрекшихся от мира; а Епифана сделай старшим над этими и остальными братьями. И создашь вечный образец, чтобы никто, в селах и городах, не соблазнился примером александрийцев, не строил бы каждый свой Божий храм и не отделялся бы [от других]. И собери на том месте около 100 мужей, определи им большие угодья, дабы могли удовлетворить нужды монастыря и чтобы сами [монахи] занимались лишь молитвами и подвижничеством». Далее Леонтий поучает Григория не превращать церкви в жилье для священнослужителей, а поставить там «священников и хорепископов», определить для них угодья, построить дома для нищих, «чтобы не роптали на тех, которые придут лечиться, и на паломников, которые расположатся спать у дверей храма»³³.

К.В. Айвазян справедливо отмечает, что эти советы были уместны только до Аштишатского Собора (354 г.), на котором были приняты постановления, упорядочившие внутреннюю организацию и устав Армянской Церкви, а также вынесены решения об основании больниц, богаделен и странноприимных домов и т. п.³⁴, т. е. рекомендации Леонтия были актуальны для Армянской Церкви нач. IV в., ибо при католикосе Нерсесе I (353–373) уже существовало армянское духовное сословие. Определенным образом датирует послание Леонтия и его совет «научиться порядку отшельничества у св. Антония» и «не следовать примеру александрийцев» (очевидное напоминание о борьбе между антиохийской и александрийской общинами в кон. III в.).

³² История Тарона. С. 37–38; *Айвазян*, р. п. С. 172.

³³ История Тарона. С. 42–43; *Айвазян*, р. п. С. 174.

³⁴ *Айвазян К.В.* Указ. соч. С. 176–178.

Леонтий намекает и на какие-то коллизии внутри кесарийской общины, в результате которых сам Леонтий «был доведен до порога смерти»³⁵, а Елиазар (о котором справляется св. Григорий) «ушел беглецом из своего города» «в римскую сторону»³⁶. Леонтий пишет, что и епископ «Тимофей ушел в сторону Иерусалима, чтобы перевести Евангелие на греческий язык»³⁷. Направление и цели ухода из Кесарии двух епископов, тесно связанных с Леонтием Кесарийским, возможно, могут пролить свет на причину их «бегства». События в Кесарии, очевидно, связаны с теологическими расхождениями в среде собственно сирийского духовенства, часть которого уходила в «римскую (ромейскую) сторону», т. е. под покровительство Константинопольского патриархата.

В письме св. Григория рассказывается о том, что он заложил церковь в Тароне, но еще нет упоминания о монастыре св. Иоанна Предтечи, а Леонтий предлагает поставить старшим «в твоём месте Иннакнеан» Епифана. В списке игуменов во второй части «Истории Тарона» первым настоятелем назван Зеноб, а вторым — Епифан. В рассказе же самого Зеноба указано, что после победы над язычниками св. Григорий рукоположил Епифана настоятелем монастыря³⁸, при этом и переписка св. Григория с Леонтием Кесарийским и, соответственно, прибытие Епифана с сорока отшельниками приходится на более позднее время. К.В. Айвазян пытается разрешить эти явные противоречия предположением, что, разрушив храм язычников и заложив на его месте основание церкви во имя Иоанна Предтечи, св. Григорий поставил Зеноба епископом Тарона, при Зенобе была достроена церковь, а отшельники Антон и Кронид и, видимо, еще ряд других составили первоначальное ядро Глакаванка. С приходом же Епифана, когда и образовался самый монастырь св. Карапета, он был рукоположен в настоятели, но занял эту должность после смерти Зеноба³⁹.

Следующий патчен является письмом царя Трдата III, Григория Просветителя и «четырех венценосных князей» епископам Елиазару и Тимофею. Агафангел упоминает, что в свите св. Григория, отправившегося в Кесарию, было четыре венценосца, «которые назывались бдешхами». Бдешхи — это правители четырех пограничных областей Армении (Алдзника, Кордука, Нуширакана

³⁵ История Тарона. С. 45.

³⁶ Там же. С. 44.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 111.

³⁹ Айвазян К. В. Указ. соч. С. 179.

и Гугарка), которые занимали самое высокое место в табели о рангах при царском дворе Аршакидов. Институт бдешхства был упразднен после первого раздела Армении между Византией и Ираном, что датирует послание временем до 385 г.

В предисловии к посланию указывается, что св. Григорий и «все вместе с царем глубоко опечалились, узнав особенно о преследовании Елиазара и его изгнании из страны»⁴⁰. В самом же послании его авторы упрекают епископов за скитания в дальних странах, обвиняя их в нарушении христианского долга. «Вы знали, что есть исполненный христианского благочестия царь и богочитающая страна, зачем же вы бежали в чужие страны? Тем более, что знали вы, что всем [нашим] гаварам нужны священники и епископы /.../ Потому что детям нашей страны нужно еще учиться в школах и никто из них не созрел для священничества. А вы взяли столько священников и повели за собой на чужбину в далекое странствие»⁴¹.

Здесь запечатлена обстановка в Армении нач. IV в.: после провозглашения христианства государственной религией в стране возникла острая необходимость в священнослужителях. По сообщению Агафангела, за четверть века своего управления св. Григорий поставил свыше 400 епископов⁴². Трдат III и Григорий Просветитель создавали для сирийских и греческих миссионеров благоприятные условия: им выделялись земельные наделы, передавалось движимое и недвижимое имущество бывших языческих храмов, они получали дары от царя и нахараров⁴³.

Елиазар не получил этого послания, но встретился с посольством Трдата и св. Григория на пути в Рим и присоединился к ним, а затем, очевидно, прибыл с Просветителем в Тарон⁴⁴. Во всяком случае, его имя вновь появляется в рассказе о захоронении мощей св. апостолов во владениях князей Мамиконян. После возвращения из Рима Григорий нашел у подножия Тавра место для нового монастыря: «И перенес [Григорий] туда часть мощей св. апостолов, поставил священнослужителями двенадцать мужей, отдал то место Елиазару и назвал Елиазараванк»⁴⁵. Аракелоц-ванк (монастырь

⁴⁰ История Тарона. С. 46.

⁴¹ Там же. С. 48; *Айвазян*, р. п. С. 184.

⁴² Разумеется, он не основал 400 епархий, и даже, если эта цифра верна, то эти епископы, очевидно, получили различные должности в Армянской Церкви.

⁴³ *Айвазян К.В.* Указ. соч. С. 185.

⁴⁴ История Тарона. С. 61.

⁴⁵ Там же. С. 57–58.

св. Апостолов) у подножия Тавра стал одним из почитаемых монастырей Тарона, в нем похоронены, по свидетельству Г. Инчичяна, Мовсес Хоренаци, Давид Анахт, Езник Колбаци, Саак и Амазасп Мамиконяны и др.; на восточной стороне храма находится могила епископа-сирийца Елиазара с надписью на сирийском языке⁴⁶.

Епископ Елиазар, таким образом, упоминается в разных разделах первой части «Истории Тарона», и сопоставление этих сведений дает возможность представить связную картину: сирийский епископ Елиазар, принадлежавший к окружению Кесарийского архиепископа, был вынужден покинуть Кесарию вместе с учениками. Он был, очевидно, образованным богословом, и потому Григорий Просветитель пригласил его в Армению и сделал настоятелем монастыря в Тароне. Часть его учеников также была рукоположена главой Армянской Церкви, остальные же, возможно, стали монахами вновь образованного монастыря.

Следующий патчен содержит рассказ о доставке письма Трдата III, св. Григория и четырех князей Елиазару и Тимофею, письмо египетских епископов к Тимофею, сообщение о поездке Трдата и Григория в Рим, их встрече с Елиазаром, рассказ о размещении частиц мощей апостола Андрея и евангелиста Луки, а также основании Елиазараванка.

Далее следует послание Григорию Просветителю от египетских епископов. Это группа духовных лиц, потерявших свои посты в Египте, скитавшихся в Византии и находившихся в близких отношениях с Елиазаром и Тимофеем⁴⁷. Этому посланию предшествует краткое пояснение: «В те же времена Бектор и Анастас встретили в Византии людей, которые были из таронского Аштишата. [Они] рассказали о первой войне в дни прихода св. Григория в Тарон, как против него вышли жрецы места Гисанэ. Рассказали также о второй войне, которая была между Трдатом и северным царем, и услышав [о которой] поразились храбрости Трдата. Все это услышав, Бектор, Анастас, Теон, Ахил и Маркил изумились и начали писать письмо св. Григорию»⁴⁸.

Египетские епископы (прочитав письмо Григория и Трдата Елиазару и Тимофею) сообщают Просветителю, что тщетно пытались найти Елиазара, и что Тимофей отбыл в Египет, чтобы уладить разногласия (которые и привели к изгнанию этой группы священ-

---

⁴⁶ *Инчичян Г.* Труды. Ч. 1. Венеция, 1806. С. 159 (на арм. яз.).

⁴⁷ История Тарона. С. 60.

⁴⁸ Там же. С. 58–59; *Айвазян*, р. п. С. 215.

ников), предложив своим сподвижникам дожидаться его возвращения в Византию. «И мы поэтому медлим с приходом к тебе, так как страна [твоя] далеко, а мы ослабли от скитаний и худой жизни, и Бектор мучается от лихорадки, а у св. Маркила больны глаза»⁴⁹.

Епископы пожелали узнать об Армянской стране, где им предстоит жить, и о положении, которое занимают в ней сирийские священники.

«И просим тебя, — пишут они св. Григорию, — блаженного труженика Божьего, чтобы ты обязал кого-нибудь из своих служителей написать и послать нам описание вашего путешествия, о прибытии в вашу Армянскую страну и про первую войну со жрецами, и о втором прибытии в Рим, и про ту войну, которую вели против северян, и о мощах, которые [ты] взял с собой, и где их захоронил; и каких служителей возле них поставил; и кому-нибудь известно это, как говорят некоторые, или неизвестно? Также о том, где оставил Кронида и Антона, святостью которых гордятся Церкви; также что случилось с его [Антон] учеником Епифаном, и также, где Елиазар и где и что Зеноб? Обо всем этом точно напиши нам, умоляем тебя. Чтобы, придя к епископу Тимофею, мы смогли ознакомить его со всем, согласно твоему письму. Это все нам необходимо, и вы не должны медлить. И пусть дары Св. Духа снизойдут на вас, верующих. Будьте здоровы во имя Бога»⁵⁰.

В тексте указывается, что первый игумен монастыря Глакаванк Зеноб получил указание Григория описать те события, о которых вопрошают епископы и послать им ответ. Так, в сборнике появляются два обширных рассказа, сопровождаемые письмом на имя египетских епископов. Этот откровенно литературный прием перебрасывает мост от переписки армянской знати и клира с Кесарийским архиепископом и сирийскими духовными лицами — своего рода предисловия к истории христианского просвещения Армении — к связному изложению этой истории.

Второй раздел сборника открывается патченом «О тех, кто были настоятелями в монастыре св. Предтечи, именуемом Глакаванк»⁵¹. Список игуменов различен в разных рукописях, различения встречаются в именах сирийских настоятелей и в справках о них. Исследователи отмечают множество несовпадений, искажений и хронологических несоответствий. К.В. Айвазян полагает, что

⁴⁹ История Тарона. С. 60–61.

⁵⁰ Там же. С. 61–62; *Айвазян*, р. п. С. 219.

⁵¹ История Тарона. С. 145.

этот список — все, что осталось от записей игуменов-сирийцев, не дошедших до нас⁵².

Смена сирийских игуменов армянскими может быть связана с преобладанием в кон. V — нач. VI в. армян среди братии. В монастыре также появились греки-халкидониты, которые, возможно, и способствовали изгнанию сирийцев и принятию нового монастырского устава⁵³.

Итак, ядро монастырской общины Глакаванка, согласно данным «Истории Тарона», со дня образования и до конца V в. составляли сирийцы, монашеская жизнь была устроена по сирийскому уставу, богослужение шло на сирийском языке, монахи пользовались сирийской письменностью. Вторым сирийским духовным центром в Тароне был монастырь св. Апостолов. В Тароне подвизались также сирийские отшельники и подвижники, и в их числе Антон и Кронид, пользовавшиеся уважением Леонтия Кесарийского, царя Трдата III и Григория Просветителя⁵⁴.

Наименование первого раздела «Истории Тарона» явно и может быть намеренно многозначно. «Ասոցժրատմութիւն» можно перевести с одинаковой точностью и как «История сирийцев» (учитывая авторов и персонажей повествования), и как «История для сирийцев» (имея в виду предполагаемых адресатов Зеноба). Работа редактора и компилятора прослеживается не только в наименовании, но и в искусно выстроенной композиции: зачин в виде посланий и документов (подлинных или вымышленных)⁵⁵ предваряет не только формально, но и содержательно изложение событий христианизации Тарона, и рассказ об этом логично было бы вложить в уста, а точнее приписать перу современника этих событий, каким и мог быть первый игумен монастыря св. Иоанна Предтечи.

Но вместе с тем данные первого раздела «Истории Тарона» подтверждают ряд бесспорных (т. е. аргументированных суммой сведений других источников и исследованиями) характеристик

⁵² Айвазян К.В. Указ. соч. С. 82–90, 222–223, 377.

⁵³ История Тарона. С. 147–149; Айвазян К.В. Указ. соч. С. 89–90.

⁵⁴ В письме к архиепископу Леонтию Григорий называет Антона и Крониду «живыми свидетелями Христа» и «священными жемчужинами» (История Тарона. С. 37). А для царя Трдата встреча с двумя отшельниками является знаменательным событием (Там же. С. 118–119).

⁵⁵ О роли в армянской историографии документов и посланий исторических лиц, которые «даже если и не подлинны, не являются вымыслом, отображая действительные события и факты» (см.: Саркисян Г.Х. Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци. Ереван, 1966. С. 5–73, на арм. яз.).

ранней церковной истории Армении, и среди них: 1) участие сирийских духовных лиц в христианском просвещении Армении; 2) стремление правящей элиты страны обеспечить вновь основанную Церковь образованными священнослужителями из числа духовных лиц сирийского и греческого происхождения; 3) борьба различных течений в Восточно-христианской (в особенности, в Сирийской) Церкви в III–IV вв., приводящая к изгнанию образованных богословов из родных мест и принуждавшая их искать новые возможности; 4) высокая квалификация сирийских книжников, делающая их кандидатуры более чем приемлемыми для строительства Армянской Церкви.

Анахронизмы, искажения и неточности, скрупулезно собранные арменоведами, относятся, по большей части, к списку сирийских игуменов, включенному во второй раздел сборника и, возможно, дошедшему в неисправном виде уже до компилятора и составителя. Но повествование первого раздела, очевидно, опирается на документальную основу. Те анахронизмы, которые подчеркиваются исследователями, а также некоторые совпадения повествования Зеноба с текстами Агафангела, Мовсеса Хоренаци и Себеоса, скорее всего, являются свидетельствами эрудиции и тщательной работы компилятора X в. Удаленность от описываемых событий, с одной стороны, приводила к ошибкам в хронологии в описании фактов и биографий, а с другой — обеспечивала объективное отношение повествователя к роли сирийских духовных лиц в ранней истории Армянской Церкви.

Иными словами, первый раздел «Истории Тарона» является достаточно надежным историческим источником, хотя и не принадлежащим (во всяком случае, полностью) к раннесредневековой армянской литературе.

SYRIANS IN TARON (ACCORDING TO «THE HISTORY OF TARON»)

V. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

In the initial formative stages of the history of the Armenian Church an outstanding role was played by learned men and priests of Syrian provenance. The theological controversies of the Vth century led to a considerable weakening of Armenian-Syrian ecclesiastical ties; notwithstanding this fact, the memory of once thriving intimate relationship between the two peoples and their

cultures has been preserved in the later Armenian tradition which, among other monuments, is represented by «The History of Taron». The author demonstrates examples of cooperation between Armenians and Syrians who worked together for the enlightenment of Armenia and analyses the factual as well as the conceptual aspects of the book. Proceeding from an examination of the «History» against the historical background of early medieval Armenia, the author comes to the conclusion that the book can be correctly assumed to have been written in the Xth century.